

«МЮНХЕН» И МОСКВА

«Мюнхен». Это короткое слово входит в обязательный набор псевдоисторических псевдознаний каждого патриота-державника. Про «мюнхен» знают все — как и про «мирно спящую страну», «фанерные истребители», «одна винтовка на троих», «Сталин старался оттянуть», «Рихард Зорге предупреждал» и пр. О «мюнхенском сговоре» вспоминают всякий раз, как только возникает тема пакта Молотова — Риббентропа. Это наш «ответный удар», неотразимый аргумент в обличении грехов растленного «запада». Да вот только не все так просто, как кажется...

Для начала — краткая историческая справка. Первая мировая война привела к крушению трех огромных многонациональных империй (Австро-Венгерской, Российской, Турецкой) и формированию новых государств. Победившая в войне сторона (Антанта) установила западную границу новоявленной Чехо-Словакии по довоенной границе между Австро-Венгрией и Германией. В результате у северо-западных и юго-западных рубежей нового государства оказались районы компактного проживания немецкого (можно сказать — «австрийского») меньшинства. Причем меньшинства весьма многочисленного: в начале 30-х гг. население ЧСР состояло из 7,4 млн. чехов, 3,3 млн. немцев, 2,4 млн. словаков, 0,6 млн. венгров, 0,5 млн. закарпатских русинов, 300 тыс. евреев, 100 тыс. поляков.

Не будем сейчас отвлекаться на обсуждение вопроса о том, какие аргументы мог (должен был) привести «запад» в Мюнхене, отрицая право трех миллионов судетских немцев на воссоединение с «фатерляндом», но

все же напомним читателю о том, что англо-французы для себя ничего не просили и ничего (кроме позора) не получили. Напомним и о том, что в Мюнхене Гитлер не требовал ликвидации Чехословакии и не объявлял ее «уродливым детищем Версальского договора»; на тот момент требования Германии сводились к хрестоматийному «Отпусти народ мой». И даже с учетом того, что СЕГОДНЯ известно о последствиях «мюнхена», нельзя не признать, что со стороны Англии и Франции это была — да, трусливая и глупая — попытка предотвратить войну. Дело доброе. Именно в этом главное и качественное отличие «мюнхена» от советско-нацистской сделки, которая была соглашением между двумя поджигателями войны о разделе будущей военной добычи.

Вернемся однако же в 1938 год. Что в момент «судетского кризиса» делал Советский Союз? И на этот вопрос ответ «знают все». СССР в лице наркома иностранных дел М. М. Литвинова со всех трибун клеймил позором политику «умиротворения агрессора», гневно обличал и сурово порицал, требовал от Франции выполнения ее обязательств перед Чехословакией, многократно заверял Прагу в неизменной поддержке, отмобилизовал и поднял к западным границам несколько десятков дивизий, готовил к бою танки-самолеты, протягивал многочисленные руки братской помощи...

Все хорошо, одно нехорошо — благостную картину нарушает простой, очевидный, но никем еще не заданный вопрос: «А что ж не помогли, если так сильно хотели?» Нет, в самом деле, если могучий Советский Союз, который уже летом 1938 г. считал дивизии и бригады сотнями, танки и боевые самолеты — тысячами, хотел помочь Чехословакии (и не из одной только платонической любви к «братьям-славянам», а дабы не допустить «продвижения Гитлера на восток»), то что же помешало

реализовать столь полезные и благородные намерения? Почему даже официальной ноты протеста в МИД Германии не послали? советского посла из Берлина «для консультаций» не отозвали — не говоря уже о более действенных способах выражения несогласия Москвы с условиями и результатами «мюнхенской сделки»?

Интересно отметить, что в вариантах ответа на этот вопрос отчетливо просматриваются характерные для всей советской историографии 2 МВ «два эшелона», два уровня: для «своих» и для «тупой пиплы». В изданных мизерным тиражом, но претендующих на научную солидность толстых монографиях просто и без затей, с несколько даже демонстративным цинизмом («ну, мы тут все люди взрослые, чего ваньку-то ломать») признают, что помогать чехам Советский Союз и не собирался. *«Практический ум Сталина диктовал, как в период подготовки Мюнхена (несмотря на дипломатическую риторику), так и после него позицию наблюдателя, выжидающего дальнейшего развития событий и руководствовавшегося принципом, грубо говоря, «не лезть на рожон».*

А вот ширнармассам — после рассказа про «700 потребителей, снаряженных для немедленного вылета в Чехословакию», и прочие, захватывающие дух проявления готовности СССР броситься на помощь жертве фашистской агрессии — с горестным всхлипом сообщают, что мы бы и рады были помочь, но все закончилось ничем по причине пункта. Советско-чехословацкий договор о взаимопомощи содержал в своем тексте пункт о том, что обязательства СССР вступают в силу лишь в том случае, когда Франция также придет на помощь Чехословакии. А Франция — не того, вот и мы не того...

Это замечательная логика, и она знакома и понятна даже тем, кто не знает — на какой стороне глобуса надо искать злосчастный Мюнхен. «Мы бы поженились, но

его (ее) родители не хотят». Правда, по закону и по жизни все совсем не так. Для регистрации брака и возникновения всей полноты прав и обязанностей, связанных со вступлением в брак, ни родители, ни «свидетели» не нужны — только письменно заверенное в государственном учреждении (ЗАГСе) желание двух взрослых людей, жениха и невесты. При наличии такого желания вопрос решается быстро и просто, с уплатой мизерной госпошлины; при отсутствии желания хотя бы у одной из сторон — не решается никогда.

Ни Чехословакия, ни, тем паче, Советский Союз колонией Франции не были. Ни Прага, ни Москва не нуждались в «разрешении» из Парижа для того, чтобы изменить условия существующего договора или заключить любой новый договор. Нужно было только захотеть. При наличии желания (политической воли) сталинская дипломатия действовала с ошеломляющей быстротой.

21 августа 1939 г. в Москве еще велись тройственные переговоры военных миссий (Англия, Франция, СССР) о совместных боевых действиях против Германии, а в ночь на 24 августа в Кремле уже разливали шампанское по поводу подписания Пакта Молотова — Риббентропа. В ночь с 26 на 27 марта 1941 г. в Белграде произошел военный переворот, а 3 апреля (т.е. всего через неделю) делегация нового югославского правительства уже вела с самим Сталиным переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве, каковой договор и был подписан 6 апреля 1941 г. Абсолютный мировой рекорд скорости был поставлен при заключении Договора с «народным правительством демократической Финляндии», каковое правительство (если верить «Правде» от 2 декабря 1939 г.) было случайно обнаружено с помощью радиоперехвата и уже на следующий день прибыло для переговоров в Москву.

Столь же смело и решительно Сталин нарушал любые нормы международного права. В одном только 1939 г. Советский Союз в одностороннем порядке разорвал Договор о ненападении с Польшей, затем — с Финляндией, вел боевые действия на территории никем, кроме Советского же Союза, не признанной Монголии; в следующем, 1940 г., угрожая вооруженным насилием, аннексировал часть территории Румынии (Бессарабию и северную Буковину) и оккупировал три страны Прибалтики. И ничего. Мальчики бумажные в глазах у Сталина не мельтешили, юридические коллизии серьезному делу не мешали. Про то, как тов. Сталин обращался с нормами сталинской Конституции во внутриполитических делах, напоминать, надеюсь, не надо.

Но, может быть, чехословацкая буржуазия подло предала свой народ и в страхе перед ростом авторитета и влияния компартии отклонила руку дружбы, протянутую из Москвы? Да, слышали мы и такое. Только это уж совсем смешно. Президент Чехословакии Эдуард Бенеш (до этого бессменный, еще с 1918 г., министр иностранных дел) к традиционному для чешской элиты русофильству добавил еще и незаурядную порцию любви к марксизму и социализму. Бенеш был, пожалуй, самым «левым» политическим лидером в довоенной Европе, левее его были только штатные агенты НКВД. Отнюдь не случайно после воссоздания Чехо-Словацкого государства летом 1945 г. Москва именно ему доверила пост президента — и это при том, что во всех других случаях руководителей эмигрантских «правительств в изгнании» с ног до головы оклеили ярлыками «предателей», «буржуазных прихвостней», «марионеток мирового империализма» и прочими ласковыми словами...

Впрочем, нет нужды спорить о том, чего хотел или не хотел Бенеш. У нас есть документ — рассекреченный

отчет советского посла в Праге С. С. Александровского («Заметки о событиях в конце сентября и начале октября 1938 г.», Архив внешней политики РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 6). Читаем:

«...Левая пресса энергично боролась и искала аргументы для доказательства возможности и ценности опоры на СССР и без помощи Франции. Полпредство осаждали десятками телефонных звонков и ежедневно многочисленные посетители из числа видных политиков и журналистов, которые приходили с одними и теми же вопросами: будет ли СССР помогать без Франции, кто является автором оговорки в советско-чехословацком договоре о взаимопомощи, связывающей советскую помощь с помощью Франции, нельзя ли срочно заключить новый, уже союзный договор...

21 сентября т. Литвинов в Женеве очень ясно подчеркнул зависимость советской помощи от французской. Реакционные круги стали эксплуатировать это обстоятельство... Далее на нескольких страницах Александровский описывает грандиозную народную демонстрацию в Праге, как его черный «буржуйский» «Паккард» сначала хотели разбить, а потом, увидев на капоте красный советский флаг, под возгласы и приветствия чуть ли не на руках пронесли сквозь бушующую толпу к воротам президентского дворца.

«Бенеш пытался чисто по-деловому говорить на тему военного решения спора между Чехословакией и Германией. Когда он задавал вопросы относительно прохождения Красной Армии через территорию Румынии или когда он спрашивал о нашей реакции на возможное нападение Польши на Чехословакию, то в его тоне не было никаких сомнений, что мы пойдем и с боем через Румынию или Польшу...

Когда я был у Бенеша 25 сентября, его помещение представляло собой полностью военный лагерь... Признаюсь, что в то время у меня было очень тяжелое чувство, потому

что я ничего не мог сказать Бенешу, особенно в ответ на его практические вопросы. Он спрашивал у меня, сколько тысяч бойцов может бросить в Чехословакию воздушный десант Красной Армии, какое военное снаряжение привезет такой десант, сколько и чего потребуется из технических средств для того, чтобы такой десант мог начать боевые действия...

Вечером 26 сентября, уже после речи Гитлера, Бенеш находился не только в бодром, но прямо в веселом настроении. Весь его тон был прямо боевой...

27 сентября Бенеш говорил уже вполне серьезно о неизбежности войны, и его тон в отношении вопроса о нашей помощи был уже иной... Я ясно чувствовал, что Бенеш с большим нервным напряжением и крайне серьезно хочет услышать от нас — как и когда мы окажем помощь... У меня нет и не было сомнений в том, что Бенеш вплоть до получения сообщения о конференции в Мюнхене не намеревался капитулировать, и в этом смысле не обманывал ни себя, ни свой народ, ни нас...

Уже совсем воплем отчаяния звучал телефонный звонок Бенеша утром в половине десятого 30 сентября (день подписания «мюнхенской сделки». — М.С.)... Этот исторический день нуждается в особом освещении. По техническим причинам я смогу вернуться к нему лишь со следующей почтой.

Закончено 20 октября 1938 г.»

В то время когда советский посол (С. С. Александровский был человеком совестливым, заваливал Москву депешами с просьбой спасти, то есть выдать въездную визу в СССР обреченным чешским антифашистам; весной 39-го года его отозвали из Праги и уволили из НКВД, арестовали, правда, очень поздно, в 43-м, расстреляли в 45-м, реабилитировали посмертно в 56-м) испытывал «очень тяжелое чувство, потому что я ничего не мог ска-

зять Бенешу», руководство компартии распространяло листовку следующего содержания: «По совершенно достоверным сообщениям, Советский Союз полон решимости помочь Чехословакии в любом случае и в любую минуту, как только на нас нападут. Советский Союз непоколебимо с нами...»

Продолжение доклада Александровского (если оно вообще существовало) мне в архиве МИД РФ найти не удалось. Поэтому в описании событий «исторического дня, который нуждается в особом освещении» воспользуемся книгой американского историка чешского происхождения Игоря Люкеша «Чехословакия между Гитлером и Сталиным». В его изложении трагическая развязка была такой:

«...Приблизительно в 22–00 29 сентября Бенеш получил сообщение из Москвы от [посла] Фирлингера, который писал, что согласно ответу [заместителя наркома иностранных дел] Потемкина, если Гитлер нападет на Чехословакию, «процедура в Женеве (т.е. при обсуждении в Лиге Наций. — М.С.) может быть короткой, как только будут найдены державы, готовые противостоять агрессору». Таким был ответ Кремля на просьбу Бенеша о немедленной авиационной помощи, переданную им утром 28 сентября... Теперь, когда Бенеш более всего нуждался в советском союзнике, Кремль предложил ему обратиться с его проблемой в Лигу Наций...

Перед самой встречей с представителями коалиционных партий утром 30 сентября, после получения условий Мюнхенского соглашения, в 09–30 Бенеш проверил свой последний шанс. Он позвонил Александровскому и сказал ему, что Великобритания и Франция принесли Чехословакию в жертву Гитлеру. Страна должна была теперь выбирать между войной с Германией (в этом случае западные союзники объявят Пражское правительство поджигателем войны и ее виновником) или капитуляцией. При этих обстоятель-

ствах Бенеш попросил советского посла выяснить в Москве как можно скорее, как Советы рассматривают ситуацию. Следует ли Чехословакии воевать или капитулировать?

Александровский даже не отправил этот срочный вопрос Бенеша в Москву. В 10–30, не делая ничего в течение часа, советский посол поехал в Президентский Замок на своем черном лимузине «Паккард», чтобы выяснить, что происходит. С Бенешем он не встретился, но собрал фрагменты информации от его сотрудников...

В 12–20 из Чехословацкого посольства в Москве сообщили, что «новостей нет», и через десять минут министр иностранных дел Крофта формально объявил Ньютону и Де Ла Круа (послы Великобритании и Франции. — М.С.), что Чехословакия принимает Мюнхенский диктат. Советское посольство отправило вторую за этот день телеграмму в Москву в 13–40, сообщая Кремлю, что Бенеш принял условия Мюнхенского соглашения...

Только в ночь на 3 октября 1938 г. Президент Бенеш получил телеграмму от Фирлингера из Москвы. В ней говорилось, что Кремль критикует решение Чехословацкого правительства капитулировать и что Советский Союз пришел бы на помощь Чехословакии «при любых обстоятельствах». Это сообщение было получено и расшифровано в МИДе Чехословакии в 02–003 октября, т.е. через 61 час после того, как Прага приняла Мюнхенский диктат и как минимум через 36 часов после отхода Чехословацкой армии с укрепленной линии на границе... После того, как все было сказано и сделано, Прага получила от Москвы выражения платонической симпатии, тщательно спланированные по времени...»

И еще несколько дополнительных штрихов к картине событий 1938 г.:

Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов — полпреду СССР в Праге С. С. Александровскому, 28 марта 1938 г.

«Австрийский и чехословацкий вопрос я всегда рассматривал как единую проблему. Изнасилование Чехословакии было бы началом анилюса точно так же, как гитлеризация Австрии предрешила судьбу Чехословакии... Анилюс уже обеспечивает Германии гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии... Меня удивляет предположение чехов о том, что мы должны добиваться от Румынии пропуска наших войск. Ведь этот пропуск нужен в первую очередь Чехословакии и Франции, они и должны добиваться этого пропуска, тем более, что они связаны с Румынией некоторыми соглашениями...»¹

М. М. Литвинов — С. С. Александровскому, 11 июня 1938 г.

«...Наша помощь обусловлена французской помощью. Мы однако считаем, что обращение к нам Франции также не дало бы желательного результата и что вопросы должны обсуждаться обязательно между представителями французского, чехословацкого и советского Генштабов. Направляться с такими разговорами мы не будем, и Вам не следует возбуждать вопрос...»²

Отчет о встрече первого заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Чехословакии в Москве Фирлингером, 9 сентября 1938 г.

«... Фирлингер явился ко мне сегодня, чтобы в порядке неофициальном пожаловаться на прием, оказанный у нас военным специалистам, прибывшим в последнее время в СССР из Чехословакии с особыми поручениями. Фирлингер ссылался на следующие факты:

1. Генералы Шара и Нетик, якобы, были весьма сухо приняты т. Шапошниковым. При отъезде их из Москвы вместе с представителем «Шкоды» Громадко их личные

---

¹ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 16–19.

² АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 38.

вещи подверглись на московском аэродроме самому тщательному досмотру. Обыскивались карманы запасного обмундирования, находившегося в их чемоданах. Прочитывалась их семейная переписка. Отправление самолета было задержано почти на полчаса, вследствие того, что у Громадко оказалось 2000 долларов, необходимых ему для оплаты специального самолета, ожидавшего его в Амстердаме. Фирлингер утверждает, что по прибытии в Москву Громадко намеревался было заявить на таможене о наличии у него этих денег, однако, встречавшие его товарищи из НКВД посоветовали ему не задерживаться из-за этой формальности.

2. Чехословацкие офицеры-артиллеристы, прибывшие в СССР через Румынию с орудиями и снарядами, упакованными с особыми предосторожностями и находившимися под пломбами, по приезде в Ленинград были поселены в условиях строгой изоляции, под наблюдением многочисленной охраны. Груз, который они сопровождали, был взят от них и отправлен куда-то отдельно. Когда затем они прибыли на полигон, ими было установлено, что с орудий и снарядов сняты пломбы, и что секретнейшие детали были уже сфотографированы.

3. Начальник ВВС Чехословакии Файфр, прибывший в СССР в экстренном порядке для обсуждения некоторых практических вопросов, уехал обратно, якобы, разочарованным. По заявлению Фирлингера разговор Файфра с т. Шапошниковым носил формальный характер и не дал ничего конкретного...»¹

Отчет о встрече В.П. Потемкина с Фирлингером, 15 сентября 1938 г.

«...Фирлингер сообщил, что по сведениям, имеющимся во французском посольстве в Москве, Жорж Боннэ (министр

---

¹ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 62–63.

иностранных дел Франции. — М.С.) остался крайне недоволен своим разговором с т. Литвиновым в Женеве. Как говорил Фирлингеру Кулондр, т. Литвинов проявил в этом разговоре чрезвычайную сдержанность и не выдвинул никаких положительных предложений касательно помощи Чехословакии в случае нападения на нее Германии.

Я ответил Фирлингеру, что по сообщениям т. Литвинова сам Боннэ говорил с ним, главным образом, об уклончивой позиции Англии в чехословацком вопросе. О возможной совместной помощи Чехословакии Боннэ с т. Литвиновым и не заговаривал. Вполне естественно, что у т. Литвинова не было никаких оснований развить практический план советской помощи чехам...

Фирлингер выслушал все объяснения с подавленным видом...»¹

Если нечто не крикает, как утка, и не плавает, как утка, и не летает, как утка, то, скорее всего, это не утка. Но тогда что же это?

Разумеется, Советский Союз, то есть тов. Сталин, не собирался спасать Чехословакию, «давать отпор фашистской агрессии» и т.п. Продолжать повторять эти благоглупости можно лишь в состоянии острого идеологического отравления. Но еще более ошибочным, на мой взгляд, является тезис о том, что Сталин, якобы, решил ограничиться ролью «наблюдателя, выжидающего дальнейшего развития событий». Конечно же, летом—осенью 1938 г. у Сталина был План, и этот план не имел ничего общего с пассивным выжиданием «куда кривая вывезет».

Приведенные выше разрозненные обрывки фактов и мнений даже в малой степени не могут считаться базой для реконструкции сталинского Плана. Все, что я могу сегодня предложить читателю — это, скажем так, смут-

---

¹ АВП РФ, ф. 0138, оп. 19, п. 128, д. 1, л. 65.

ные догадки, порожденные, однако же, чтением подлинных первичных документов. Итак:

Геополитический план сентября 1938 г. по целям и задачам, по основным механизмам его реализации ничем не отличался от плана августа 1939 г. Никакого «драматического поворота во внешней политике советского государства» в августе 39-го не было (в этом, собственно, и состоит суть моей «смутной догадки»). Сталин, который пьет шампанское с Риббентропом, и Сталин, который устами своего министра (наркома) иностранных дел клеймит позором «фашистских поджигателей войны» — это один и тот же политик, стремящийся к одной и той же стратегической цели.

Цель — война в Западной Европе, кровопролитная разрушительная война, по пепелищу которой Сталин поведет свои танковые колонны. Главный «инструмент» в достижении этой цели — агрессивный параноик, оказавшийся (не без тайных закулисных интриг Сталина) у руля власти в Германии. Главным фронтом будущей войны должна стать франко-германская граница, но поджечь европейский пожар Сталин пытается в каком-то другом месте, через провоцирование острого локального конфликта. Летом 1938 г. таким «местом» представляется ему Чехословакия, год спустя — Польша. В 1938 г. главной «точкой приложения усилий» была потенциальная жертва фашистской агрессии — Чехословакия. Именно ее Москва с искусством опытного провокатора подталкивала на принятие максимально жесткой линии поведения.

Странная оговорка о том, что обязательства СССР по Договору о взаимопомощи с Чехословакией вступают в силу лишь в случае аналогичных действий Франции, не была, конечно же, причиной, обусловившей позицию и действия Советского Союза, но она оказалась весьма эффективным инструментом в проведении сталинской

политики. При наличии такой оговорки нарком иностранных дел СССР товарищ Литвинов мог совершенно безбоязненно сотрясать воздух с трибуны Лиги Наций (равно, как и со всех прочих трибун) — лотерея, в которую играл Сталин, была беспроигрышной. Если Франция (и ее главный союзник Великобритания) пойдут на уступки Гитлеру, то можно будет следующие сто лет обвинять их в «предательстве», «сговоре с агрессором», выставляя себя белым и пушистым (что мы и наблюдаем по сей день). Если же дело дойдет до войны, тот тут перед тов. Сталиным открывался целый веер блестящих возможностей.

Одна из них отчетливо засверкала в ночь с 22 на 23 сентября 1938 г. Да-да, именно посреди ночи поверенного в делах Польши в Москве пана Янковского разбудили и вызвали в НКВД, где в 4 часа утра (в конце сентября это крошечная ночь) вручили «Заявление советского правительства правительству Польши». Вот его полный текст (опубликованный, кстати, в самые что ни на есть «застойные годы»):

«Правительство СССР получило сообщения из различных источников, что войска польского правительства сосредотачиваются на границе Польши и Чехословакии, готовясь перейти означенную границу и силою занять часть территории Чехословацкой Республики¹. Несмотря на широкое распространение и тревожный характер этих сооб-

---

¹ Речь идет о конфликте вокруг клочка территории (примерно 30–70 км в междуречье рек Олжа и Остравица на стыке современной границы Польши, Чехии и Словакии) — так называемой Тешинской Силезии. В 1920 г. решением Высшего военного совета Антанты Тешинская Силезия была разделена примерно пополам, по реке Олжа, между Польшей и Чехо-Словакией. Воспользовавшись ситуацией «судетского кризиса», Польша оккупировала чешскую часть Тешинской области, которая составляла менее 1,5% от территории Чехословакии в границах 1938 г.

щений, польское правительство до сих пор их не опровергло. Правительство СССР ожидает, что такое опровержение последует немедленно.

Тем не менее на случай, если бы такое опровержение не последовало и если бы в подтверждение этих сообщений войска Польши действительно перешли границу Чехословацкой Республики и заняли ее территорию, правительство СССР считает своевременным и необходимым предупредить правительство Польской Республики, что на основании ст. 2 Пакта о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля 1932 г., правительство СССР, ввиду совершенного Польшей акта агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор».

Заявление от 23 сентября — это своевременно и качественно подготовленный casus belli, юридически безупречный повод для развязывания войны. И что же дальше? «Дальнейшее — молчанье», как сказал на прощание принц Гамлет. Никакого «опровержения» от польского руководства не последовало, и вечером 1 октября польские войска пересекли границу Чехословакии. И ничего. Совершенно ничего, ни советского посла из Варшавы «для консультации с правительством» не отозвали, ни польского будить не стали. После того как все указанные в Заявлении противоправные действия польского руководства состоялись в действительности, Москва скромно промолчала.

И тем не менее я вижу достаточные основания предположить, что в предполагаемом конфликте с Польшей намерения тов. Сталина были самыми серьезными. Впрочем, слова «я вижу» в данном случае не слишком уместны. Увидеть это может каждый, кто не поленился снять с полки изданную огромными тиражами еще в советские времена (М., Воениздат, 1974) 12-томную

«Историю Второй мировой войны». Нас интересует второй том, в котором под замечательной надписью «Подготовительные мероприятия Советского Союза по оказанию помощи Чехословакии» размещена цветная карта, на которой со всеми необходимыми стрелочками и кружочками показано сосредоточение советских войск у границы с Польшей. Карта очень подробная, показано даже выдвижение одной (67-я стрелковая) дивизии к границе с... Латвией! Интересно — каким образом создание «Витебской и Бобруйской армейских группировок» и их выдвижение к польской границе могло способствовать «оказанию помощи Чехословакии», от которой их отделяло 800 км территории Польши?

Да, СССР не имел тогда общей границы ни с агрессором (Германией), ни с жертвой агрессии (Чехословакией). Однако кратчайшая дорога в Чехословакию проходила, разумеется, не через Витебск и Варшаву, а через северо-восточную часть Румынии (Буковину); от Винницы через румынские Черновцы в словацкий Мункач (не будем забывать, что Чехо-Словакия была тогда значительно «длиннее» за счет территории, которая после окончания 2 МВ превратилась в Закарпатскую область УССР, и Мункач стал называться Мукачево). Перспективы получения согласия Румынии на проход советских войск через ее территорию¹ были достаточ-

---

¹ Чешский историк И. Пфафф в своей изданной в Праге в 1993 г. книге «Советская измена» (Sovetska Zrada) утверждает, что в сентябре 1938 г. в ходе неофициальных встреч министров иностранных дел СССР и Румынии (Литвинова и Комнена) была достигнута принципиальная договоренность о проходе советских войск в Словакию через территорию Румынии и предоставлении «воздушного коридора» для пролета авиации; при существующей поныне закрытости российских архивов ни подтвердить, ни опровергнуть это сообщение советскими документами невозможно.

но реалистичными, о чем свидетельствует реально состоявшееся в июне 1940 г. согласие Румынии — и не на временный проход войск, а на безвозвратную передачу Советскому Союзу территории Бессарабии и Северной Буковины.

После того как «мюнхенская сделка» обрушила надежды Сталина на большую европейскую войну, начинать свою собственную войну против Польши он не рискнул, и красивая карта со стрелочками легла на дальнюю полку в сейфе Генерального штаба. Но, согласитесь, задумано было красиво! «Непобедимая Красная Армия спешит на помощь жертве фашистской агрессии, сметая на своем пути белопольские банды...» При таких раскладах можно было не ограничиваться полумерами (вроде «западной Белоруссии» и «западной Украины»), а включить в братскую семью советских республик полноценную ПССР. Но не срослось.

И тем не менее я не стал бы называть осень 1938 г. «поражением Сталина», и вот почему. Германия тогда была еще слишком слаба, новорожденный вермахт делал свои первые неуверенные шаги. Война против коалиции из Англии, Франции, Чехии могла закончиться слишком быстро, а такая развязка категорически противоречила Большому Плану. Через год, к сентябрю 39-го, ситуация существенно изменилась. Гитлер заматерел, поднабрался опыта и наглости, значительно усилил (и в количественном, и в качественном отношении) свои вооруженные силы, чему в немалой степени послужила и состоявшаяся 15 марта 1939 г. оккупация Чехии вместе с заводами концерна «Шкода», производившими горы современного вооружения. И конечно же, договор с СССР, т.е. свобода рук на востоке, экономическая и политическая поддержка великой державы придали нацистам «второе дыхание».

Начавшаяся 1 сентября война вполне отвечала запросам Сталина: кровь лилась рекой, в прах и пепел обращались плоды многовекового труда, грудой битого кирпича рассыпались готические соборы Лондона и Ковентри, Варшавы и Роттердама. И свои танковые колонны по пепелищу Европы Сталин таки провел. Правда, ценой жизни не то 17, не то 27 млн. советских людей.

ИГРЫ ВЕСНЫ 41-ГО ГОДА

Важнейшим элементом боевой подготовки командного состава и штабов Красной Армии были оперативные игры и полевые поездки. Рассекреченные в начале 21 века документы «игр» дают богатую информацию к размышлению о том, как высшее военное руководство СССР видело будущую войну с Германией, чего ожидало от своих войск и войск противника.

Даже самый беглый обзор доступных ныне архивных фондов показывает, что работа в штабах Красной Армии кипела ключом; военных игр армейского и фронтового масштаба было проведено не много, а очень много. Так, только за последние полгода до фактического начала войны состоялись (названия мероприятий указаны в соответствии с соответствующими документами):

– оперативная игра на картах в Прибалтийском ОВО (февраль);

– двухсторонняя окружная оперативная игра в Одесском ВО (февраль);

– полевая поездка штабов Ленинградского, Уральско-го и Орловского округов (март);

– полевая поездка в Архангельском ВО (март);

– оперативная военная игра в Московском ВО (март);

– оперативная двухсторонняя игра в Харьковском ВО (май);

– фронтовая оперативная игра в Западном ОВО (март);

– фронтовая полевая поездка в Прибалтийском ОВО (апрель);

– штабная оперативно-стратегическая игра в Архангельском ВО (апрель);

- командная оперативная игра в Московском ВО (май);
- фронтовая оперативная игра в Киевском ОВО (май);
- совместные учения штабов Закавказского ВО и Каспийской военной флотилии (май);
- фронтовая полевая поездка в Прибалтийском ОВО (июнь)¹.

И этот перечень — далеко не полный; это только то, что удалось обнаружить в ходе беглого просмотра документов, причем из внимания был полностью исключен Дальневосточный ТВД; вовсе не упомянуты армейские игры и так называемые армейские летучки. Разумеется, уровнем военных округов «игры» не ограничивались, регулярно проводились и стратегические игры с участием высшего комсостава Красной Армии, в ходе которых отрабатывались и уточнялись общие планы использования Вооруженных сил СССР. Применительно к 1941 г. известны две стратегические игры, проведенные в январе (подробно описаны П. Бобылевым в статье «Репетиция катастрофы», ВИЖ, № 7,8/1993 г.) и загадочная майская игра (см. М. Солонин, «Неизвестная игра мая 41-го», опубликовано в «ВПК» № 7 (424) за 22 февраля 2012 г.).

Динозавры

Если палеобиологи реконструируют облик динозавра по паре обломков костей, то и для военного историка не составляет непреодолимой проблемы реконструкция Большого Плана на основании документов окружных (фронтовых) оперативных планов и штабных игр. Например, не приходится долго гадать о том, почему 12–20 марта 1941 г. состоялась **совместная** полевая по-

---

¹ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 153, 154, 155, 161, 162, 396, 403, 408, 541; ф. 48, оп. 3408, д. 17; ф. 140, оп. 13000, д. 1, 11.

ездка штабов Ленинградского, Уральского и Орловского округов. Да, на географической карте эти округа разделены сотнями километров, но вот в рамках плана войны с Финляндией¹ им предстояло совместными усилиями *«вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии»*. Для разгрома и овладения предполагалось развернуть четыре армии: 7-ю и 23-ю из состава войск Ленинградского округа,

20-ю на базе войск Орловского и 22-ю на базе войск Уральского округов.

Именно эти задачи — едва ли совместимые с духом и буквой советско-финляндского мирного договора от 12 марта 1940 г. — обрабатывались в ходе полевой поездки, о чем прямым текстом сказано в Директиве НКО № ОП/503596 от 28 марта: *«На полевой поездке обрабатывалась ФРОНТОВАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (так, большими буквами, в оригинале документа. — М.С.) в сложных условиях зимы... Главной целью полевой поездки являлась проверка подготовленности фронтовых и армейских управлений в организации и проведении современной операции зимой, в условиях Карело-Финского театра»*².

Заслуживает внимания уровень секретности, с которой была проведена полевая поездка — даже опечатанный сейф в штабе Ленинградского округа оказался недоста-

---

¹ Соображения по развертыванию Вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией от 18 сентября 1940 г., Директива НКО СССР и ГШ Красной Армии командующему войсками Ленинградского ВО на разработку плана оперативного развертывания войск Северо-Западного фронта от 25 ноября 1940 г., Директива НКО СССР и ГШ Красной Армии командующему войсками Архангельского ВО на разработку плана оперативного развертывания войск Северного фронта, б/д (ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д. 237, л. 82–92, 118–130, 138–156.

² ЦАМО, ф. 140, оп. 1300, д. 1, л. 11.

точно надежным местом для хранения таких документов; 3 апреля начальник ГШ КА (т.е. тов. Жуков) приказывает начальнику штаба ЛенВО «к 10 апреля представить в Оперативное управление ГШ акт на уничтожение задания и набитые карты по полевой поездке в ЛенВО [проведенной] в марте 1941 г. Все неуничтоженные задания и набитые карты к ним возвратить в ОУ ГШ»¹.

Особый интерес представляют оперативные игры, проведенные командованием Киевского ОВО (будущего Юго-Западного фронта); именно этому фронту в рамках Большого Плана предстояло нанести главный удар в направлении Львов — Краков, именно там должна была быть сосредоточена самая мощная группировка войск Красной Армии (в частности, превосходящая по количеству танковых дивизий и танков «новых типов» три другие округа/фронта, вместе взятые). Увы, этот особый интерес оказался кем-то предусмотрен, и среди рассекреченных на сей момент архивных фондов нет ни заданий на оперативные игры в КОВО, ни описаний хода хотя бы одной такой игры. Весь доступный ныне «массив информации» сводится лишь к нескольким обрывочным упоминаниям о самом факте проведения в мае 1941 г. фронтовой игры в КОВО.

Так, 26 апреля 1941 г. начальник оперативного отдела штаба КОВО полковник (будущий маршал) Баграмян докладывает начальнику ОУ ГШ: *«Представляю задания на командно-штабные учения со средствами связи 5-й и 6-й Армий и фронтовую оперативную игру. Приложения: задания на 115 листах... план проведения фронтовой оперативной игры на 7 листах... карта обстановки к 18–00 12 мая... карта общей обстановки к 12–00 6 мая...»* 30 апреля 1941 г. заместитель начальника ОУ ГШ генерал-майор Анисов отправляет начальнику штаба ВВС Красной Армии сле-

---

¹ ЦАМО, ф. 46, оп. 3408, д. 18, л. 247.

дующую телеграмму: «В период 12–18 мая 1941 г. проводятся командно-штабные учения штабов 5-й и 6-й Армий КОВО. На эти учения целесообразно привлечь штаб 2-го авиакорпуса в составе 7 чел. Прошу дать указания...»¹

4 мая 1941 г. заместитель начальника ГШ генерал-лейтенант Ватутин направляет ответную телеграмму № ОП/1409 в штаб Киевского округа: «В задание и план фронтовой оперативной игры внести поправки. 1) «Оранжевых» нейтральными не считать, а считать их с первого этапа игры на стороне «западных». 2) Организацию и силы «оранжевых» взять реальные и усилить одним армейским корпусом и танковой дивизией «западных». 3) Южный фронт на последнем этапе не создавать, оставив 16-ю Армию в подчинении ЮЗФ. Напоминаю о принятии всех мер по сохранению секретности игры»².

Кто такие «западные» — угадать нетрудно, под «оранжевыми», которых «западные» усиливают собственными войсками, скорее всего, имелись в виду румынские и венгерские войска. Вот и все, что известно. Можно лишь предположить, принимая во внимание хронологию событий (игра в КОВО проводилась с 12 по 18 мая, а стратегическая «майская игра» состоялась в 20-х числах мая 1941 г.) и особое внимание, уделенное действиям правофланговых 5-й и 6-й Армий, что в ходе оперативной игры в Киеве была отработана главная составляющая будущих действий фронта — наступление на Люблин и Краков.

В полосе активной обороны

В рамках общего стратегического плана войны войскам Прибалтийского ОВО (Северо-Западного фронта) предстояло решать оборонительные задачи (в некоторых

¹ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 41, л. 25, 38.

² ЦАМО, ф. 48, оп. 3408, д. 19, л. 90.

вариантах Большого Плана дополняемые частной наступательной операцией для «срезания» Сувалкского выступа). И как-то так получилось, что именно по командно-штабным учениям в Прибалтийском ОВО имеется значительный массив доступных историкам документов.

В феврале 1941 г. в ПриБОВО была проведена окружная оперативная игра на тему: «Оборонительная операция фронта с последующим переходом в наступление для уничтожения противника». Утвержденное 12 февраля задание предписывало разыграть следующую ситуацию:

«Западные», предупредив «восточных» в развертывании, 5.6.41 начали войну. Главный удар «западные» наносят на юге, против Украинского (так в тексте. — М.С.) фронта, сосредоточив одновременно крупные силы в Восточной Пруссии, где и развивают удар на Шяуляйском и Каунасском направлениях. Против Северо-Западного фронта отмечены действия не менее 30 пехотных дивизий с танками и крупной авиации... Южнее войска Западного фронта «восточных» продолжают сосредоточение для удара в западном направлении, успешно отбивают частями прикрытия попытки «западных» перейти госграницу. Граница с западным фронтом: Полоцк, Ошмяны, Друскининкай, Сувалки, Летцен...»¹

Итак, по условиям «игры» случилось как раз то, что произошло в июне 41-го в реальной истории. По крайней мере, именно так в 10 часов утра 22 июня описывала ситуацию Оперативная сводка Генштаба Красной Армии за номером один: *«Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия...»* (ЦАМО, ф. 16, оп. 1071, д. 1, л. 5.) Еще одна черта сходства задания на игру и реальных событий июня 41-го

---

¹ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 20, л. 1.

проявляется в том, что войска Северо-Западного фронта «восточных» разбросаны на большом расстоянии друг от друга; в составе двух армий первого эшелона находится не более половины от общего числа соединений фронта (15 из 33 стрелковых дивизий, 4 из 7 танковых бригад, 6 из 11 отдельных артполков).

На этом, собственно, черты сходства игры и никому на тот момент не известного будущего заканчиваются. Дальше начинаются серьезные различия. Прежде всего, составители задания на игру радикально ошиблись с определением направления главного удара противника: там (на белорусском направлении), где в реальности июня 41-го года немцы сосредоточили свои главные силы, по условиям игры «западные» лишь топчутся на месте, безуспешно пытаясь перейти границу. При этом войска Западного фронта «восточных» неспешно *«заканчивают сосредоточение и готовятся к переходу в наступление в конце июня месяца»*.

Примечательно, что эта ошибка четко совпадает с дезинформацией, которую германские спецслужбы всеми доступными им способами подбрасывали советской разведке: якобы немецкое командование планирует грандиозный охват войск Красной Армии с нанесением главного удара на северном и южном флангах, через Прибалтику и Бессарабию.

В отличие от того, что будет в реальности, войска «западных» также глубоко эшелонированы, при этом во втором эшелоне сосредоточена почти половина всех сил (18 из 39 пехотных дивизий, 4 из 5 танковых дивизий, 2 из 2 легких дивизий, 9 из 22 полков артиллерии). Подвижные соединения (танковые и легкие дивизии) почти полностью выведены во второй эшелон и терпеливо ждут, когда пехота и артиллерия первого эшелона пробьют достаточно широкий «пролом» в обороне «восточных»

(что, впрочем, совпадало с теоретическими взглядами высшего командования Красной Армии, которое считало правильным ввод мехкорпусов в прорыв, созданный стрелковыми дивизиями первого эшелона).

И все же самое невероятное — невероятное с точки зрения нашего сегодняшнего знания о событиях начального периода войны — это хронология событий оперативной игры. Условная «война» начинается 5 июня, после чего «западные» тратят 12 дней (!) только на то, чтобы выйти к главной оборонительной полосе «восточных», пролегающей в 30–40 км от границы (см. Рис. 1). Причем этот этап «боевых действий» в ходе игры не отрабатывался вовсе, он лишь кратко упомянут в задании.

Разыгранные в ходе учения боевые действия начинаются с условного 17 июня. «Западные», сосредоточив на 60-км участке прорыва (от Кведарна до Тауроген) 12 пехотных дивизий против 3 стрелковых дивизий «восточных», к исходу 18 июня прорывают фронт. В образовавшуюся брешь устремляется танковая лавина невообразимой численности — более 4 тысяч! танков (в реальной истории действовавшая на Шауляйском направлении 4-я Танковая группа вермахта имела на вооружении порядка 650 танков и самоходок). С 18 по 25 июня «восточные» с упорными боями отходят к Шяуляю. Южнее, на Каунасском направлении, где у противника «всего лишь» 10 пехотных дивизий и 725 танков, «восточные» отходят и закрепляются на левом (западном) берегу Немана.

На втором этапе игры (с условного 25 июня по 3 июля) наступление «западных» повсеместно остановлено, растянувшийся на 420 км фронт стабилизировался; более того, получившая значительные подкрепления (5 стрелковых дивизий) условная 1-я Армия «восточных» (за нее играл штаб реальной 8-й Армии ПриБОВО) нанесла противнику контрудар и отбросила его от Шяу-

ляя. Тем временем в оперативном тылу «восточных», в полосе Паневежис — Елгава, происходит сосредоточение свежих соединений Красной Армии, передислоцированных из глубины страны. При этом командование «восточных», проявляя железную выдержку, не бросает подходящие части прямо с эшелона на фронт, для лихорадочного «затыкания дыр» (именно этим в реальной истории советское командование занималось все лето 1941 года). Единственное, что было сделано — из состава шести стрелковых дивизий второго эшелона фронта изъяты противотанковые артиллерийские дивизионы (по 18 орудий ПТО в каждом); из них сформирована подвижная боевая группа, которая останавливает продвижение немецких танков к Шауляю.

К утру условного 3 июля сосредоточение ударной группировки «восточных» завершено. Общее соотношение сил сторон на этот момент таково: у «восточных» 43 стрелковые, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 11 танковых и 5 моторизованных бригад; у «западных» 39 пехотных, 5 танковых и 2 легкие дивизии. По боевой технике: у «восточных» 6614 танков и 4358 орудий, у «западных» 6525 танков (уму непостижимо — откуда они могли взяться в таком количестве?) и 3624 орудия. (ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 23.) Как видим, силы сторон почти равные, правда, половина соединений «восточных» — это свежие, не понесшие потерь в предыдущих боях войска.

Сокрушительный удар «восточных» принуждает «западных» к поспешному отступлению. За три дня (3,4,5 июля) «восточные» продвигаются на 100 км, от Шяуляя до границы. Каунасская группировка «западных», оказавшаяся в полуокружении в излучине Немана, бросает тяжелую технику и с боями отходит в Восточную Пруссию. Занавес.

Заслуживает пристального внимания и описание действий ВВС сторон. В задании на игру читаем:

«ВВС “западных” с 5.6. налетами в 20–30 самолетов действуют по аэродромам “восточных”, расположенным юго-западнее линии Елгава, Паневежис, Швенченис, по ж/д узлам, станциям выгрузки и ж/д мостам, по войскам «восточных» в районе Елгава, Паневежис, Шяуляй, препятствуя их сосредоточению. В операции принимает участие 1100–1200 самолетов, из них 50% — истребители. ВВС «восточных» с 5.6, прикрывая сосредоточение своих войск, ведут борьбу с авиацией противника в воздухе и на земле, особо упорные бои происходят на Шяуляйском направлении, где наблюдается одновременное участие в воздушных боях 150–200 самолетов; ведут борьбу с оперативными перевозками противника, действуя по ж/д узлам, станциям выгрузки и автострадам, действуют по скоплениям войск противника в районе Тильзит, Инстербург, Гольдап, Гумбинен и по портам Мемель, Каркельн, Лабиау и Пиллау»¹.

Для того чтобы успеть одновременно решить такой широчайший круг задач, боевая авиация «восточных» работает с невероятной (если сравнивать с реальностью войны в воздухе 41–45 гг.) интенсивностью; так, в период условного 14–18 июня ВВС «восточных» выполняют по шесть (!) полко-вылетов истребителей, от 2 до 4 полко-вылетов бомбардировщиков и штурмовиков в день.

Однако самое удивительное — это потери, которые понесли ВВС «восточных» при такой интенсивности боевого применения (и после неоднократных налетов 20–30 самолетов противника на аэродром, к тому же!). К 18 июня 6-я смешанная авиадивизия имеет некомплект (что, строго говоря, не равнозначно слову «потери» — некоторый некомплект самолетов дивизия могла иметь еще до начала «боевых действий») 68 самолетов, в боеготовом

---

¹ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 20, л. 3.

состоянии находятся 254 самолета; 2 САД — некомплект 65 самолетов, в строю также 254 самолета; 1 САД — некомплект 51, в строю 268. И это — самые тяжелые потери. Другие авиадивизии потеряли от 17 до 45 самолетов; в целом некомплект (потери) ВВС «восточных» к условному 18 июня составляет 322 самолета или 17% от численности оставшихся в строю¹.

С 22 по 27 июня в состав ВВС «восточных» включаются еще три авиадивизии (всего 420 истребителей и 473 бомбардировщика), что, как видим, с лихвой перекрывает потери; к началу июльского наступления у «восточных» уже 2833 самолета в строю. Авиация «западных» к тому моменту несколько ослабла, у них «всего лишь» 2393 самолета. Остается только напомнить, что в реальности в составе 1-го Воздушного флота люфтваффе по состоянию на 22 июня 1941 г. числилось, включая неисправные, 434 боевых самолета. В пять раз меньше.

В сравнении с тем, что произошло в реальном июне 41-го, события «игрового июня» представляются сегодня сладкой сказкой. Однако совсем не так посмотрело на них высшее командование Красной Армии — документы содержат длинный перечень выявленных недочетов, недостатков и ошибок в действиях штабов и условных «войск». По этой или по какой иной причине, но проведенная в ПриОВО с 15 по 21 апреля 1941 г. фронтовая полевая поездка была посвящена отработке той же самой задачи: *«Оборонительная операция фронта и армий в условиях наступления крупных сил противника при незавершенном сосредоточении своих войск; проведение контрудара с форсированием речной преграды»*². География условных «боевых действий», направления ударов и рубежи обо-

---

¹ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 20, л. 11.

² ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 51.

роны сторон почти полностью совпадали с февральской игрой на картах.

Некоторые отличия — причем в полезную сторону придания учениям большей реалистичности — наблюдаются лишь в количественных параметрах. Во-первых, наступление «западных» развивается на этот раз заметно быстрее: начав операцию утром 17 апреля (игровое и реальное время полевой поездки совпадали), они к исходу дня 22 апреля (за шесть дней) форсировали р. Дубиса и заняли г. Пренай на левом (западном) берегу Немана; темп наступления «западных» составил порядка 15–20 км в день. Во-вторых, число стрелковых дивизий (11 ед.) в двух армиях первого эшелона «восточных» в точности совпадало с составом реальных 8-й и 11-й Армий ПриБОВО, при этом так же, как и в реальном июне 41-го, непосредственно в приграничной полосе находилось всего 8 стрелковых дивизий. Ближе к реальному (хотя и по-прежнему завышенным в полтора-два раза) был и состав группировки «западных»: 30 пехотных дивизий, 6 танковых и 2 моторизованные (фактически 22 июня 1941 г. в составе немецкой Группы армий «Север» числилось 20 пехотных дивизий, 3 танковые и 3 моторизованные).

Примечательно, что на этот раз авиация «восточных» расходует бензин и моточасы более экономно — за 5 дней условных «боевых действий» произведено по 12 вылетов истребителей и 8 вылетов бомбардировщиков на один исправный самолет, причем даже этот уровень напряжения оценивается проверяющими из Генштаба как *«несколько завышенные нормы вылетов»*. (ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 64.) В целом же все завершилось успешно, неприятель получил положенный ему контрудар с рубежа Кельме, Бетагола на юг, к Неману (правда, форсирование реки, изначально предусмотренное заданием,

в ходе полевой поездки не отрабатывалось). Проверяющие отметили возросшую — по сравнению с февральской игрой — слаженность работы штабов и написали очередной длинный перечень замечаний.

Не стояло в стороне и 3-е Управление НКО (военная контрразведка). 16 мая 1941 г. помощник начальника 3-го Управления капитан госбезопасности Москаленко направил на имя Ватутина докладную «О недочетах в оперативной полевой поездке Прибалтийского ОВО». Отметив ряд ошибок в деле обеспечения секретности, скрытого управления войсками и охраны штабов, «особист» обратил внимание и на главное: *«Оперативное задание было составлено по шаблону. Одна и та же тема, проводимая на армейских поездках (оборонительная операция с ограниченными силами и средствами с последующим переходом в контрнаступление), и каждый раз давали противнику возможность прорывать нашу оборону крупными силами, а затем эти крупные силы останавливались и ждали нашего контрудара...»*¹

Следующая фронтовая полевая поездка состоялась в ПриОВО перед самой войной, с 3 по 8 июня. Отчет о ней «старший группы командиров Генштаба КА» полковник Енюков подписал в понедельник 16 июня. Тема учений прежняя: «Организация и проведение контрудара во фронтовой оборонительной операции с форсированием речной преграды». Замысел операции и направления ударов сторон несколько изменились:

«Северо-Восточный фронт «западных» в составе 4, 13 и 7-й Армий (десять армейских корпусов и два мехкорпуса) в конце мая перешел госграницу и развивает наступление в Каунасском направлении по обоим берегам р. Неман. Северо-Западный фронт «восточных» (9-я и 5-я Армии, три-

---

¹ ЦАМО, ф. 28, оп. 11627, д. 15, л. 82.